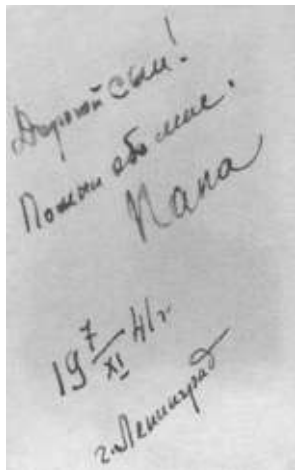

Виктор КОКОСОВ

ФАКТЫ — ВЕЩЬ УПРЯМАЯ. И — ОПАСНАЯ.

Это — единственная фотография, которую мой дедушка-пехотинец отправил отцу-артиллеристу во время войны. Ровно 80 лет назад, 7 ноября 1941 года. А встретились они лишь после Победы, хотя и воевали на одном — Ленинградском — фронте.

Так получилось, что, уйдя в армию добровольно весной 1915-го (раньше не брали по возрасту), дед оказался участником пяти войн и... невольным виновником того, что я не выучил французский язык.

В нашем первом «А» классе, накануне праздника революции, на первом уроке все дети по очереди выходили к доске и читали отрывок из известного стихотворения Сергея Михалкова «В музее В.И. Ленина» со слов «Мы видим город Петроград в семнадцатом году». Мне очень хотелось получить отличиться и я решил своё выступление «углубить». С выражением почитав стих, сообщил собравшимся, что на самом деле никакого штурма Зимнего не было.

— Кто это тебе сказал? — тут же спросила, сурово сдвинув брови, присутствовавшая на уроке строгая дама — завуч младших классов.

— Дедушка, — честно ответил я, уточнив: его послали члены полкового комитета в столицу, чтобы он, как человек грамотный и образованный, на месте разобрался в ситуации.

— А что тебе ещё рассказывал дедушка? — вкрадчиво спросила завуч.

Тут я понял, что попал в какую-то ловушку. Выручила моя первая и любимая учительница Екатерина Петровна, — Царствие ей небесное! — объяснив начальнице:

— Его дедушка воевал у Щорса, а потом у Будённого (это была чистая правда!). Наверное, он сказал, что был не штурм Зимнего, а взятие дворца.

— А-а-а, — разочарованно протянула завуч. — Ну, садись.

И я, решив не говорить, что дедушка пошёл к красным, потому как именно они били Петлюру (надо было с ним посчитаться!), в схватке с которым в Киеве погибли наши родственники — офицеры (читай Булгакова) и «первая шашка России» граф Келлер, которого дед очень уважал, послушно сел за парту.

После этого случая Екатерина Петровна, видимо, поговорила с мамой, потому что при мне разговоров о былом старались больше не вести, а обе бабушки перестали обучать меня французскому, на котором разговаривали со своими немногочисленными до-революционными знакомыми.

Дедушка пришёл в класс, показал сильно изогнутую ложку, объяснив, что ей и ел из котелка на пяти войнах и очень интересно рассказал о Щорсе. И о том, как встретился на Гражданской со своим другом-однополчанином по германской войне, оказавшемся «по ту сторону».

В общем, инцидент был исчерпан, но французский я так и не выучил. А эта фотография лежит на моём письменном столе, под стеклом.

Как его благородие на улицах Ленинграда хамство искоренял

Чем старше становлюсь, тем чаще вспоминаю во время прогулок по любимому городу чистые ленинградские улицы безмятежного детства — далёких уже шестидесятих годов XX века — и вежливых людей на них. Город, и правда, был куда чище. А ещё застал я в конце 60-х одного из «бывших», — поручика «дядю Базю», например. Был он на самом деле Василий, но его все свои звали «Базиль». Ещё после Гражданской дедушка, воевавший с ним в Германскую в одном полку, помог выправить ему паспорт,

на другую фамилию, дворянское происхождение в бумагах заменило мещанское, но... новые воспитание и привычки, как вы понимаете, к советским документам не прилагались.

Так вот, дядя Базя терпеть не мог хамства. Прогуливаясь каждый вечер с женой по улице Салтыкова-Щедрина (мстительно превращённой новыми представителями «крапивного семени» в постсоветское время снова в Кирочную) в направлении Таврического сада, случалось, разворачивался — и точным ударом в зубы (по офицерской привычке) сбивал с ног матерщинника, который посмел выразиться при даме. Кулак у его благородия был, что называется, свинцовый. Поручика несколько раз забирали в милицию на улицу Чехова, чтобы осудить на 15 суток за хулиганство, и дедушка из Дома офицеров (в котором занимал маленький кабинет и вёл переписку с ветеранами Первой Конной армии) ходил выручать однополчанина, аргументируя своё заступничество тем, что нехорошо арестовывать ветерана Гражданской войны, с революционной принципиальностью приструнившего нарушителя общественного спокойствия. Правда, на чьей стороне воевал дядя Базя, он не уточнял. Однополчанина дедушки в итоге всякий раз отпускали.

Сейчас матерятся на улицах, даже в музеях, увы, многие. В вагонах метро и трамваев, салонах автобусов и троллейбусов молодые и пожилые «как бы петербуржцы» не считают нужным снимать рюкзачки, расталкивая ими пассажиров. И нет уже на них «бывших». А нынешние предпочитают не сязываться.

Я, конечно, не призываю к насилию. Но как-то объяснять таким малопочтенным господам правила поведения в северной столице надо...

Санкт-Петербург